

основную роль играли образованность, «благоповедение», здоровье будущего церковника, а не умение любыми способами угодить потенциальным прихожанам. Тем не менее возможности прихожан влиять на поступки церковника сохранялись в полной мере. Эти возможности существовали благодаря консервативным, сохранившимся в почти неизменном виде со средневековья способам обеспечения духовенства.

§ 3. Обеспечение белого духовенства: закон и традиция

Внимательный анализ законодательства позволяет утверждать, что вершители судеб России во все времена не слишком отягощали себя заботами о благосостоянии священно- и церковнослужителей. Автор Духовного регламента ограничился лишь кратким упоминанием о проблемах, связанных с обеспечением клириков. От прихожан требовалось представить в консисторию сведения о количестве руги или земли, предназначенных церковникам, «за руками прихожан и за рукою ставленника, что он хошет быть доволен руги оныя или земли»⁴⁰⁹. В то же время нельзя сказать, что нужды белого духовенства остались вовсе проигнорированными. В XIX в. на этот вопрос обратили более пристальное внимание. Так, Устав духовных консисторий предписывал церковному начальству следить за тем, «чтобы священнослужители и причетники имели все способы содержания, какие для них определены законами, и пользовались оными так, как установлено»⁴¹⁰. Поиски более богатых приходов, предпринимаемые некоторыми священниками, не находили поддержки у духовного начальства. Так, в 1862 г. прошение священника Ильи Ильинского с просьбой перевести его из «беднейшего прихода Гимольского в другой получше приход» осталось без внимания консистории⁴¹¹. В каждом приходе имелись свои собственные способы обеспечения духовенства, которые в сочетании с древних времен были призваны решить материальные проблемы клира.

Земельные наделы стали наиболее стабильным источником доходов клириков. Хаотичное наделение церковников землей, существовавшее по воле прихожан на протяжении столетий, постепенно начиная с XVII в. заменялось твердой, рациональной нормой

⁴⁰⁹ Духовный регламент, с. 94.

⁴¹⁰ Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство, с. 30.

⁴¹¹ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 39/445, л. 2 (Прошение священника с резолюцией епископа).

закона⁴¹². В XVIII в. этот процесс продолжился: елизаветинская, а затем и екатерининская межевые инструкции предписывали «к построенным во владельческих селениях после писцовых книг церквям, к которым земли не дано, а церковнослужители ругой не довольствованы, а состоят на пашне», отводить участки не более 30 десятин⁴¹³. Это мероприятие позволяло не только изменить к лучшему имущественное положение священно- и церковнослужителей, но и уменьшить их зависимость от прихожан. В XIX—начале XX в. карты и планы генерального межевания не утратили свое значение и продолжали использоваться для решения вопросов, связанных с земельным обеспечением духовенства. Так, храм в Брусенском приходе располагал лесной дачей, «с точностью означенной» на плане, составленном в 1784 г. Все это имело далеко идущие последствия, проявившиеся позднее. Лес в течение всего XIX и начала XX в. использовался для нужд строительства храмов, а также продавался посторонним лицам с использованием вырученных денег для потребностей церкви⁴¹⁴. Российское законодательство XIX в. делит все земли, находящиеся в ведении церковников, на две категории. Одна — «земли, принадлежащие им по прежним дачам и писцовым книгам», другая — «земли, отводимые к ним для довольствия от прихожан в установленной межевыми знаками пропорции»⁴¹⁵. Представление об обеих этих категориях земель унаследовано от предшествующего периода и является законодательным закреплением существующей традиции обеспечения духовенства. Все отведенные к церкви земли составляли «неприкосновенную церковную собственность» и ограждались законом «от всяких посторонних притязаний»⁴¹⁶.

Ситуация, сложившаяся к 1790-м гг., когда генеральное межевание в Олонецкой губернии завершилось⁴¹⁷, явствует из ряда источников. Прежде всего это ведомости о состоянии церковных приходов, в

⁴¹² Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 319–320.

⁴¹³ Инструкция землемерам к генеральному всей империи земель размежеванию // ПСЗ-1. Т. 17. № 12570.

⁴¹⁴ Летопись церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая и во имя святого апостола Фомы, что в Брусенском приходе Олонецкой епархии Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1906. № 7. С. 297.

⁴¹⁵ Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства, с. 120.

⁴¹⁶ Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 158.

⁴¹⁷ Колесников П.А. Северная деревня в XV—первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 56.

которых указывалось наличие или отсутствие в распоряжении приходского духовенства планов и карт отмежеванных к церкви земель. Мною обнаружены материалы судебных дел, связанных с посягательством прихожан на земли духовенства⁴¹⁸. Карты генерального межевания неизбежно становились в этих случаях главными аргументами в судебных разбирательствах. Наконец, использованы межевые книги⁴¹⁹, хранящиеся в фонде Олонецкой казенной палаты (НА РК, ф. 4). Все перечисленные источники позволяют выявить ситуацию, сложившуюся в 49 приходах. Из них вообще не имелось земли в распоряжении клира 16 приходов, располагали землей, но не имели планов и карт генерального межевания священно- и церковнослужители 26 приходов. И лишь белое духовенство 7 приходов легко предъявить планы. Итак, генеральное межевание не внесло существенных изменений в практику наделения приходского духовенства землей. Приведенные цифры отражают лишь то положение, которое существовало формально, на бумаге. В действительности в ряде случаев крестьяне отказывались признавать результаты генерального межевания, продолжая использовать отведенную церковникам землю для собственных нужд. Так, в Шуйском приходе церковная земля, фактически находящаяся в пользовании духовенства, составляла, как указывалось в ведомости о состоянии церковных приходов за 1802 г., «самую малую часть», а отмежеванной землей, по данным того же источника, владели крестьяне⁴²⁰.

Межевание иногда приводило к открытым конфликтам между духовенством и прихожанами. Судя по новейшим исследованиям, со временем эти проявления недовольства лишь усиливались, владение церковников землями «вызывало раздражение» северных крестьян⁴²¹. Документы Олонецкой епархии подтверждают эту закономерность. К плачевным результатам для клира привело размежевание церковных и крестьянских земель в Лоянском приходе. Как видно из сообщения Олонецкого духовного правления Олонецкой нижней расправе, землемеры в 1788 г. «учинили прибавок» церковной земле, провели межу, на

⁴¹⁸ НА РК, ф. 63, оп. 3, д. 50/439, л. 5; Там же, ф. 647, оп. 1, д. 13/62, л. 1; Там же, ф. 584, оп. 6, д. 7/157, л. 31; Там же, д. 10/211, л. 2; Там же, оп. 3, д. 98/1474, л. 1; Там же, д. 87/1287, л. 8; Там же, оп. 4, д. 2/8, л. 2; РГИА, ф. 796, оп. 76, д. 20, л. 1–4.

⁴¹⁹ НА РК, ф. 4, оп. 35, д. 5/84, л. 2–7; Там же, д. 2/25, л. 2–7 и др.

⁴²⁰ Там же, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 1, об.

⁴²¹ *Листова Т.И.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 739.

которой были «по указу и по инструкции столбы з гербами поставлены для вечных признаков». Вскоре после отъезда землемеров выяснилось, что крестьяне, «согласясь единогласно, приступили и выкосили натурую самосильно на церковной казенной и прежней писцовой вечного их владения земли лутчие места»⁴²². Аналогичный спор возник в 1819 г. и в Андомском погосте после «беззаконного», по мнению крестьян, изложенному ими в челобитной, отмежевания земли священнику Иакову Васильеву «с причетники». Крестьяне, отказываясь признавать результаты межевания, писали, что «объявленные священник с причетники изстари без всяких церковной земли дач довольствованы были мирскою приходскою ругою и доходами, а не от пашенной земли»⁴²³. В 1821 г. сходный случай имел место в Оштинском приходе Лодейнопольского уезда. Местные крестьяне решили отнять у духовенства незадолго до этого отмежеванную к церкви землю. Как говорилось в прошении церковников, прихожане, вооружившись «смертоносными орудиями», «вторглись на самую середину земли», принадлежащей священнику, и засеяли ее⁴²⁴. В 1888 г. начался очередной этап конфликта между духовенством Ругозерского прихода и местными крестьянами. Источником спора стал отвод в 1833 г. к церкви дополнительного земельного надела. Попытка пересмотреть итоги межевания в 1866 г. закончились удачей для крестьян: они вернули себе утраченную землю. Однако на этот раз причт не согласился с нововведениями, что и послужило основой для судебного разбирательства⁴²⁵. Из всех дел неясно, какие меры были приняты и чем завершились конфликты.

Примеров такого рода немного. Все эти случаи являются значимыми только с учетом того факта, что отмежевание к церкви в соответствии с законодательством 30 или менее десятин земли оставалось довольно редким фактом. Поскольку межевание в Олонецкой губернии началось лишь в 1780-е гг., то гораздо большее значение при закреплении участков за священно- и церковнослужителями имели писцовые книги. Так, в 1782 г., как видно из рапорта Олонецкой верхней расправы, к использованию именно этих документов прибегли священно- и церковнослужители Рождественской церкви в споре с крестьянами Пиркинского погоста из-за отмежеванной к церкви земли⁴²⁶. Писцовые книги в качестве аргумента при судебном разбирательстве

⁴²² НА РК, ф. 584, оп. 6, д. 10/211, л. 1, об.

⁴²³ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 32/317, л. 1.

⁴²⁴ Там же, ф. 25, оп. 15, д. 7/142, л. 1–1, об. (Прошение церковников).

⁴²⁵ Там же, оп. 4, д. 49/28, л. 6–7 (Рапорт священно- и церковнослужителей).

⁴²⁶ Там же, ф. 656, оп. 4, д. 25/484, л. 12.

использовал и священник Вытегорского уезда Контужской волости Тимофей Никифоров, который обратился, как видно из челобитной, в Олонецкую нижнюю расправу с просьбой «дать выпись» о церковной земле «с писцовой 136 и 137 (1628 и 1629. — М.П.) годов книг»⁴²⁷. Аналогичные аргументы в спорах с церковниками использовала и противоположная сторона — крестьяне. Так, крестьяне деревни Нижней Андроновской в 1777 г. указывали в прошении, что в их деревне «имеется тяглая земля, которая по писцовым 129 и 130 (1621 и 1622. — М.П.) годов книгам значится крестьянская»⁴²⁸.

В моем распоряжении две группы документов, дающих священно- и церковнослужителям некоторую защиту от самоуправства крестьян в весьма существенном вопросе — обеспечении клира землей. Но бросается в глаза резкое различие. Невозможно не заметить, что результаты генерального межевания оказались для церковников незначительными. В ряде случаев там, где межевые знаки появились, крестьяне проигнорировали результаты мероприятий. В подавляющем большинстве приходов не имелось ни планов, ни карт, а в некоторых, как говорилось выше, и самой «указной пропорции земли». Но старинные писцовые книги оставались веским аргументом на протяжении всего изучаемого периода. Объяснение этого парадокса состоит в следующем. Во-первых, данные писцовых книг учитывались при генеральном межевании: «Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам» предписывала «ко всем церквам, которые состоят в действительном служении, церковные земли утверждать по писцовым книгам и по дачам»⁴²⁹. Во-вторых, использование писцовых книг в отличие от новоявленных карт генерального межевания сочеталось с обычно-правовыми нормами, в соответствии с которыми давность владения являлась одним из основных критериев при решении земельных споров⁴³⁰.

Если необходимые документы отсутствовали — а это, повторюсь, подавляющее большинство случаев — вопрос о праве пользования церковной землей решался исключительно исходя из норм обычного права. Так, судя по указу Петрозаводской нижней расправы в 1787 г., после того как в Типиницкой волости разгорелся спор между церковниками и крестьянами, были допроше-

⁴²⁷ НА РК, ф. 584, оп. 3, д. 49/667, л. 3.

⁴²⁸ Там же, ф. 642, оп. 1, д. 12/110, л. 2.

⁴²⁹ ПСЗ-1. Т. 17. № 12 659.

⁴³⁰ Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. СПб., 1877. Т. 1. С. 44.

ны старики, «имеющие себе веку от рождения шестидесяти и с лишком до девяноста лет». Они показали, что «земля поступила во владение церковнослужителям добровольно от общества крестьян и более следует ко владению церковнослужителям»⁴³¹. В самом конце XIX в. отмечается аналогичный способ решения земельных проблем. При возникновении имущественного спора между причтом Яндебского прихода и местными жителями в 1892 г. были допрошены старожилы, которые дали показания в пользу церковников⁴³². Примечательно, что ссылка на давность владения принималась во внимание и в судебных органах. Круг источников здесь ограничен: северные крестьяне не любили выносить сор из избы и нередко решали земельные споры на сходах, минуя суд. Во всяком случае, неизвестный автор записки о «Примеченном образе правления в деревнях разного рода государственных крестьян» писал, что на сходах нередко «определяются прошения о завладении землей <...> которые еще в канцелярии неизвестны»⁴³³.

Нетрудно догадаться, что такой порядок решения дел сам по себе ставил священно- и церковнослужителей в зависимое от прихожан положение. В некоторых случаях крестьяне оставляли за собой и право перераспределения земли. Так, по данным рапорта прапорщика Боровитинова, разбиравшего дело на месте, крестьяне Гонгинской выставки Винницкого погоста в 1774 г. передали клиру своей церкви Мауринскую пустошь, которой прежде владел крестьянин Евсей Ананьев. Пустошь была отведена «с согласия мирского и с платежа за владение оной пустоши в мир денег по двадцати копеек в год». Некоторое время спустя (срок в документе не указан) земля перешла в пользование крестьянина Михайлова «с соседи». Обжаловать решение «мира», который и передал землю, было для церковников непросто. Ведь земельные споры решались «по сущей справедливости и чистой христианской совести» на основании показаний местных крестьян⁴³⁴. В XIX в. здесь по воле законодателя происходили существенные изменения. В сенатском указе специально оговаривалось, что «земли, отведенные церквям от прихожан для довольствия причтов, не подлежат отчуждению»; исключения «допускаются лишь в

⁴³¹ НА РК, ф. 63, оп. 3, д. 50/439, л. 7, об.

⁴³² Там же, ф. 25, оп. 7, д. 80/35, л. 2 (Прошение церковников).

⁴³³ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, д. 380, л. 148.

⁴³⁴ РГАДА, ф. 433, оп. 1, д. 28, л. 29.

особо уважительных случаях»⁴³⁵. Церковный причт становился «ближайшим охранителем» неприкосновенности приписанных к приходскому храму угодий⁴³⁶.

По материалам XVIII в. известны случаи, когда в пользование церковников поступала тяглая земля. Это стало продолжением древней традиции, в соответствии с которой земельные участки выделялись духовенству «миром» или церковными старостами. При этом клирики рассматривались крестьянами как «такие же члены общины, как и остальные»⁴³⁷. Существование сходного порядка наделения землей в изучаемый период стало возможно благодаря специфическим чертам крестьянского правового сознания. «Ревизская душа, созданная законодательством, — пишет С.П. Кавелин, — обратилась в податную фикцию, жизненный смысл в которую со временем вложили сами плательщики. Под ревизской душой стали понимать определенный земельный участок»⁴³⁸. Следовательно, становилось возможным взимание подушной подати и с представителей белого духовенства. Так, в 1784 г. крестьяне Кондужской волости, как видно из челобитной, «сверх имеющейся церковной земли» «общим согласием» отвели выморочную землю священнику. Вскоре «за неплатеж оным священником всяких казенных податей» крестьяне этот участок обратно «обществом в мир взяли». Священник оправдывался, говоря, что готов платить подать, но аргументы крестьян остались незыблемыми: «оная (земля. — М.П.) состоит тяглая, а не церковная, которая поделена по душам, в чем и ссылку имеют о церковной земле на писцовые книги». Суд, в который обратился священник, поддержал крестьян⁴³⁹.

В столь трудных условиях немаловажное значение имела собственная инициатива священно- и церковнослужителей — разработка ими новых земельных участков. По данным ведомости о состоянии церковных приходов, в XIX в. духовенство самостоятельно вводило новые земли в сельскохозяйственный оборот. Так, в Янгозерском приходе «нарочно отведенной церковной земли» не имелось, а «со-

⁴³⁵ Всеподданнейший доклад Святейшего синода о способах к успешнейшему образованию духовного юношества и к обеспечению приходского духовенства // ПСПиР. Пг. 1915. Т. 1. № 184. С. 248; *Андреев Д.* Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причтов, с. 56.

⁴³⁶ *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства, с. 63.

⁴³⁷ *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в XVI—XVII вв., с. 127.

⁴³⁸ *Кавелин С.П.* Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М., 1912. С. 10.

⁴³⁹ НА РК, ф. 650, оп. 1, д. 10/160, л. 1, 5.

стояло» «по крепостям и разнovidным писмам от прежних времен от 7176 (1668. – М.П.) года данного священно- и церковнослужителям владеемых и *своими трудами упаханных* по усеvu ржаного в поле на 5 четвериков, а в дву по тому ж»⁴⁴⁰. В Салменижском приходе, по данным того же источника, у церковников не имелось никакой земли, кроме «своими трудами разработанной»⁴⁴¹. Изредка священно- и церковнослужители покупали землю. Немногочисленность свидетельств, возможно, объясняется тем, что клирикам запрещалось приобретать участки крестьянской земли, усиливая социальное напряжение в приходах и вступая в судебные споры с прихожанами. Так, в 1775 г. епископ Олонецкий и Каргопольский, как видно из его резолюции, распорядился, «чтоб в вечное владение никто нигде земель впредь из священно- и церковнослужителей не покупал». Епископ разрешил лишь «за малоимением при церкви церковной земли» брать ее «указным порядком» «из оброку»⁴⁴². Из резолюции неясно, какие цели преследовал епископ. В.И. Семевский считал подобные шаги составной частью мероприятий, предшествующих генеральному межеванию⁴⁴³. Мною обнаружен всего один случай покупки земли священно- и церковнослужителями. Это вполне объяснимо: клирики приобретали земельные участки только в тех случаях, если имеющаяся при церкви земля не позволяла им прокормить семейства. Определенное влияние оказывал запрет. Далеко не всегда церковники располагали необходимыми средствами. И все же в 1783 г., как видно из «купчей записи», священник Федор Васильев купил у крестьянина Оштинского погоста Коселской выставки «по оценке и с публичного торго движимое и недвижимое имение» и, в частности, «в полях и в заполках, в сенных покосах четвертую часть всю без остатку». За этот участок священник обязывался платить «повсягодно подушных денег за одну душу»⁴⁴⁴.

Имеющиеся источники позволяют утверждать, что наряду с обычными формами приобретения земельных участков, сближающими священно- и церковнослужителей с крестьянами, имелись и специфические, присущие только церковникам пути пополнения наделов. Например, земельные участки иногда доставались клиру от завещателей, не являющихся их родственниками и отдающих свои земли не

⁴⁴⁰ Там же, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 55.

⁴⁴¹ Там же, л. 8.

⁴⁴² Там же, д. 1/6, л. 63.

⁴⁴³ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины I. В 2-х т. СПб., 1901. Т. 2. С. 633.

⁴⁴⁴ НА РК, ф. 584, оп. 3, д. 5/67, л. 8.

конкретным клирикам, а приходской церкви. Так, судя по завещанию крестьянин Афанасий Ларионов отдал в 1787 г. свой участок «в дом Николы Чудотворца на вечное поминание» и велел «детям и внукам, ни сродникам, ни племянникам никакими вымысла не вступаться»⁴⁴⁵. Но завещания откладывались в фондах судебных учреждений лишь в тех случаях, когда наследники нарушали волю покойного. Поэтому невозможно судить о том, насколько типичен этот путь пополнения приписанной к церкви земли. Таким образом, земля, находящаяся в пользовании духовенства, имела разный статус. Это особенно важно отметить потому, что в современных исследованиях нередко фигурирует только одна разновидность находящейся в распоряжении духовенства земли — церковная земля, закрепленная за приходским храмом⁴⁴⁶. Проведенное исследование позволяет увидеть более сложную картину.

Полученные от прихожан или отмежеванные землемерами участки члены клира делили между собой в соответствии с должностями. В XVIII в. данный вопрос не оговорен в законодательстве, и церковники руководствовались местными традициями. Здесь в моем распоряжении имеются сведения, проникшие в материалы делопроизводства после того как пропорции во владении землей были нарушены, а крестьяне оказались неспособны уладить дело самостоятельно, без обращения в суд. Так, крестьяне Шунгского погоста указывали в прошении, направленном в 1778 г. в Олонецкий верхний суд, что в их приходе «землей священник с причетники владели по 1777 год каждой по частям, а во оном году в ноябре месяце у оных дьячок Иван Петров помре, то оног дьячка отданную ему миром землю означенный священник Иванов, не спрося мирских людей ко владению дозволения, взял себе и поныне пашет»⁴⁴⁷. В 1781 г. аналогичное прошение поступило в Синод: крестьяне Остречинского погоста жаловались на священника Ивана Тихонова, который «из церковной земли себе самовольно большую часть выделил»⁴⁴⁸. В XIX в. церковное законодательство закрепило сложившиеся традиции. Решение оказалось вполне предсказуемым: «Церковная земля <...> разделяется на участки разного пространства соответственно назначению их членам причта, имеющим один пред другим преимущества по степеням духовного

⁴⁴⁵ НА РК, ф. 650, оп. 1, д. 2/33, л. 17.

⁴⁴⁶ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии, с. 135.

⁴⁴⁷ НА РК, ф. 642, оп. 1, д. 12/110, л. 2.

⁴⁴⁸ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 243, л. 23.

служения»⁴⁴⁹. В начале XX в. отмечаются случаи, когда вся отведенная к церкви земля находилась в распоряжении местного священника, однако это исключение из правил. Так, в описании Немжинского прихода Лодейнопольского уезда говорится: «Землю владеет местный священник»⁴⁵⁰, и никто из младших членов клира не имеет возможности получать доход с отмежеванной к церкви земли.

Двойственный порядок приобретения церковной земли (покупка и получение в ходе межевания) имел еще одно важное последствие. На протяжении всего изучаемого периода он влиял на наследование угодий, находящихся во владении клириков. Священно- и церковнослужители свободно распоряжались теми земельными наделами, которые находились в их индивидуальном владении: рощистями и прикупными землями. Так, в 1789 г. пономарь церкви Николая Чудотворца Туломозерской волости, как видно из его завещания, оставил своему сыну, крестьянину Осипу Иванову, «пашенные земли и сенные покосы свои собственные и по закладным письмам»⁴⁵¹. Если же речь шла о церковной земле (писцовой или отмежеванной в ходе генерального межевания), то порядок наследования был иным. Например, судя по прошению «дьячкова сына» Егора Кузмина из Ильинской выставки Водлозерского погоста проситель лишился права пользования церковной землей в 1781 г., после провала на экзамене у епископа, а церковная земля, которую он мог бы получить, поступила в распоряжение другого, более квалифицированного и удачливого члена клира⁴⁵². Таким образом, приписанной к церкви землей мог пользоваться только тот представитель духовенства, который находился на должности в данном приходе. В противном случае необходимых земель могли лишиться «действительные» клирики.

Законодательство XIX–начала XX в. стояло на страже имущественных прав приходского духовенства, жестко обязывая прихожан обеспечивать церковников землей в достаточном для ведения хозяйства размере. В соответствии с законом, если владельцы добровольно не соглашались отвести к церкви достаточное количество земли, полагалось «от каждого владельца отрезывать участок земли в церковный удел по соразмерности его дачи к прочим владениям того прихода». Напротив, излишнюю землю полагалось оставлять во владении церковников. Все отведенные к церкви земли полагалось отделять от помещичьих и крестьянских земель.

⁴⁴⁹ Александров Н. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства, с. 64.

⁴⁵⁰ Фарсионов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда, с. 508.

⁴⁵¹ РГИА, ф. 796, оп. 61, д. 93, л. 1.

⁴⁵² Там же, оп. 54, д. 121, л. 4.

янских «особыми окружными межами»⁴⁵³. Получив причитающиеся по закону участки, местные священники и в конце XIX—начале XX в. занимались сельским хозяйством, которое оставалось для них важным источником средств к существованию. В XIX—начале XX в. порядок наделения церковников земельными наделами, доставшийся в наследство от предшествующего периода, сохранялся во вполне узнаваемом виде. При этом сами представители духовенства, в особенности его низшее звено — дьячки и пономари, рассматривали хлебопашество как вполне приемлемый, обычный и стабильный источник своих доходов. Как говорилось в отчетах благочинных, «материальный быт духовенства довольно сношен <...> причты пользуются выгодами от церковной земли»⁴⁵⁴.

В том случае если количество имеющейся в распоряжении причта земли оказывалось недостаточным, это вызывало беспокойство местного духовного начальства. Так, в 1879 г. каргопольский благочинный был озабочен вопросом о земельных наделах приходского духовенства. В своем рапорте архиерею он указывал: «Причты всех церквей наделены землею, хотя и не везде в надлежащей пропорции. Сильный недостаток ощущается в сенных покосах в Троицком и Саунинском приходах, вследствие чего духовенство не может содержать потребное количество для земледелия скота»⁴⁵⁵. Из приведенной цитаты видно, что духовенство самостоятельно решало все хозяйственные проблемы, и помощь прихожан в сельских трудах стала, судя по имеющимся источникам, исключением из правил. Изредка прихожане жаловались на представителей духовенства, принуждающих их работать на церковной земле. Так, в 1849 г. прихожане Волосовского прихода сообщали консистории, что местный дьякон «гонит народ к себе на помощь для работ», а в случае «противности» со стороны прихожан обещает «иметь неудовольствие»⁴⁵⁶. Есть данные и о добровольной помощи. В 1902 г. благочинный второго округа Лодейнопольского уезда указывал, что прихожане относятся к местным священникам почтительно, оказывают им услуги «по хозяйству и хлебопашеству»⁴⁵⁷.

⁴⁵³ Свод законов межевых // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских узаконений, относящихся к духовному ведомству, с. 407–408.

⁴⁵⁴ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 25 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

⁴⁵⁵ Там же, л. 127 (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по 2-му округу Каргопольского уезда за 1879 год).

⁴⁵⁶ Там же, оп. 7, д. 47/16 (Прошение верующих Волосовского прихода)

⁴⁵⁷ Там же, оп. 20, д. 9/96, л. 147 (Отчет благочинного 2-го округа Лодейнопольского уезда).

Большинство представителей белого духовенства работали самостоятельно. К этому же их подталкивало церковное начальство, поощряя усердных пахарей и порицая тех представителей духовенства, которые не проявили достаточного трудолюбия. Так, благочинный, священник Шуйского погоста Петр Мишуриин сообщал в 1857 г. Оло-нецкой духовной консистории: «Священники всех 10 погостов, получа-чая казенное штатное жалованье, пользуясь землею, некоторые ругою и добротным подаванием от прихожан, могут жить безбедно и даже иметь удобства по материальной жизни. <...> И дьячки Виданского и Соломенского погоста могли б иметь достаточное содержание, если бы были более усердны к обрабатыванию церковной земли, которая может давать с избытком годовое продовольствие. Пономарь Соло-менского погоста тоже ленится обрабатывать землю и имеет порядоч-ное семейство, от того и живет бедно»⁴⁵⁸. Для современников сель-ский труд служителей церкви представлялся вполне обычным, непре-досудительным и достойным одобрения образом жизни. Так, в некро-логе о священнике Палтожского прихода Ф.И. Шукине, опублико-ванном в 1906 г., указывалось, что в трудные годы «главным пособием ему служило разумное ведение сельского хозяйства, которое нередко выручало его в критических обстоятельствах». Священник «нередко сам сеял хлеб, убирал его в стога, молотил и веял на гумне. При убор-ке же сена, метание зародов было страстно любимое его занятие»⁴⁵⁹.

В начале XX в. начали раздаваться голоса, протестующие против та-кого порядка вещей, при котором духовенство постоянно занимается крестьянскими земледельческими трудами, отвлекаясь от пастырских обязанностей. Местный священник В. Мегорский подробно изложил недостатки такого положения. Духовенство в отличие от крестьян не имеет ни «привычки и сноровки» в обработке земли, ни свободного вре-мени. Обработка церковной земли «посредством помочей, устраиваемых по праздничным дням за угощение прихожан водкою», также нецелесо-образна. Ведь это приводит к непочитанию праздничных дней, во время которых верующие должны посещать богослужения. Более того, «земля служит причиной раздора и недоразумений между пастырями и прихо-жанами», что приводит не только к межличностным конфликтам, но и к судебным разбирательствам. Вывод статьи очевиден. Духовенство следу-ет обеспечить государственным жалованьем, а в ответ оно должно отка-заться от всех имеющихся в их распоряжении сенокосов, лесных наделов

⁴⁵⁸ Там же, д. 10/100, л. 42.

⁴⁵⁹ *Казанский А. Протоиерей о. Федор Иванович Шукин // ОЕВ. 1906. № 1. С. 37.*

и пашен⁴⁶⁰. Другой священник, скрывающийся под характерным псевдонимом Обиженный, полагал, что «от занятия землей — одни лишь заботы да хлопоты с ранней весны, все лето и почти до октября месяца»⁴⁶¹. Эта идея нашла поддержку у еще одного знатока потаенных сторон приходской жизни, скрывающегося за псевдонимом А. П-й. Он полагал, что в настоящее время, т.е. в начале XX в., при существующем уровне цен священники не в состоянии обрабатывать землю, не могут закупать лучшие семена и передовые орудия труда и нередко вынуждены продавать зерно осенью, а не весной, когда цены значительно выше⁴⁶².

В противовес этим статьям в том же издании появилась другая публикация, автор которой, основываясь на личном опыте, подчеркивал несомненную выгодность владения земельными наделами и необходимость сохранения за служителями церкви имеющихся у них участков. Это нужно, полагал он, для улучшения агротехники. Если священники «отрешатся от предрассудков старины», приобретут новейшие, усовершенствованные орудия труда и лучшие семена, то очень скоро и сами получат выгоду и «прихожанам покажут, как от хлебопашества получить наибольший доход»⁴⁶³. В годы Первой мировой войны епархиальная пресса продолжала публиковать настойчивые призывы, обращенные к духовенству, заняться сельскохозяйственным трудом и таким способом надежно обеспечить свои семейства средствами к существованию. Так, в 1915 г. появилась статья с приложенной к ней положительной резолюцией епархиального архиерея. В ней подчеркивались выгоды огородничества, занявшись которым «сельское духовенство могло бы значительно увеличить свое собственное состояние»⁴⁶⁴. Эти доводы и сегодня звучат в трудах исследователей церковной истории. Современные специалисты убеждены, что занятие сельским хозяйством «еще теснее связывало причт и приход»⁴⁶⁵, а знакомство священника с земледелием служило источником «близости и взаимопонимания» между ним и прихожанами⁴⁶⁶. Отчет обер-прокурора Синода за 1911—1912 гг. позволяет создать обобщенную

⁴⁶⁰ Мегорский В. О церковной земле // ОЕВ. 1906. № 12. С. 475—476.

⁴⁶¹ Обиженный. Разбитые мечты и обманутые надежды // Там же. 1911. № 32. С. 555.

⁴⁶² А. П-й. Сельские пастыри как образованные благоустроители крестьянского хозяйства // Там же. 1907. № 8. С. 232.

⁴⁶³ По вопросу о церковной земле // Там же. 1906. № 14. С. 538.

⁴⁶⁴ Благочинным и причтам Олонечкой епархии к сведению, руководству и исполнению // Там же. 1915. № 7. С. 119.

⁴⁶⁵ Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в., с. 168.

⁴⁶⁶ Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни, с. 30.

картину использования церковных земель причтами. Наделы, говорилось в этом документе, «как источник содержания духовенства далеко не везде служат достаточным средством материального его обеспечения». Лишь в приходах с плодородной землей духовенство «находит еще возможным заниматься хозяйством». Но в большинстве приходов «с незначительным количеством церковной земли», «обработка ее мало содействует благосостоянию духовенства»⁴⁶⁷.

Итак, специфические (отличные от крестьянских) способы пополнения находящихся в пользовании священно- и церковнослужителей угодий встречаются редко. Землевладению духовенства присущ дуализм в той его форме, которая характерна и для всей системы крестьянского землепользования. С одной стороны, священно- и церковнослужители, особенно в XVIII в., участвовали в частичных перераспределениях земли исходя из возможностей несения тяглых обязательств. С другой — имело место не связанное с внесением денег в «мир» землепользование, существующее на основании норм обычного права: индивидуальное пользование росчистями, купленными участками.

Руга. Аналогичные закономерности прослеживаются и при изучении другого вопроса, связанного с обеспечением духовенства — наделения клира ругой. Здесь проявляются заметные отличия жизненного уклада паствы и духовенства. Хотя «материальный достаток большинства приходского духовенства оставлял желать много лучшего, “попа” от паствы дистанцировал сам способ получения вознаграждения за выполнение своих обязанностей»⁴⁶⁸. Существенным отличием от устоявшегося порядка предоставления земельного участка является полное отсутствие законодательной регламентации периодических выплат деньгами или зерном от прихожан духовенству. В XVI—XVII вв. «руга назначалась совершенно произвольно и была предметом свободного договора и даже торга»⁴⁶⁹. Лишь Духовный регламент, не ломая устоявшиеся традиции, предписывал требовать от ставленника расписку в том, что он «хочет быть доволен» предназначенной ему ругой. Таким образом, размеры руги, как и

⁴⁶⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гг., с. 184—185.

⁴⁶⁸ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX—начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 188.

⁴⁶⁹ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в XVI—XVII вв., с. 153.

распределение земли между членами клира, обуславливались местными традициями и зависели от прихожан. Выяснение фактических размеров руги сильно затруднено. Епископ слабо интересовался размерами содержания, выплачиваемого духовенству прихожанами, а они в свою очередь не спешили вводить владку в курс дела. В «выборах», являющихся одним из основных источников, нередко крайне лаконичные обещания, не содержащие никаких цифр. Так, крестьяне Ялгубской выставки Шуйского погоста указывали в «выборе», составленном в 1755 г., что в их приходе священно- и церковнослужители получают от прихожан вместо земли «церковный доход и доброхотное хлебное и денежное подаяние». Часть этого «дохода» и предназначалась «нововыбранному по удостоению его во дьякона»⁴⁷⁰. Аналогичные формулировки содержались в «выборе», составленном прихожанами Шелтозерского Бережного прихода в 1795 г. Крестьяне писали: «<...> желаем ево быть в наш Шелтозерский Бережный приход и как прежнего Федора Андреева довольствовались, так и ево, Никифорова, довольствовать будем доброхотным хлебным подаянием по-прежнему и впредь награждать желаем»⁴⁷¹. Конфликт духовенства и прихожан мог привести к отказу в выдаче руги. Так, в 1819 г. началось судебное разбирательство между причтом Тулокского прихода и местными крестьянами. Сразу же после начала конфликта прихожане «принадлежащую *по условию (курсив мой. — М.П.)* годичную хлебную ругу сто четвериков всем приходом задержали»⁴⁷².

Делопроизводство, связанное с конфликтами, показывает, что длительное время «выбор» и связанное с ним «условие» являлись основными документами, в соответствии с которыми прихожане брали на себя обязательство «наградить» своих священно- и церковнослужителей ругой и землей. Расплывчатые формулировки обещаний и отсутствие контроля со стороны консистории серьезно усугубляли зависимость клира от прихожан. По данным Н.Д. Зольниковой, в Западной Сибири ругу собирали «с венца», т.е. с супружеской пары, или в редких случаях «с дыма» (крестьянского двора)⁴⁷³. Данные ведомостей о состоянии церковных приходов позволяют утверждать, что в Олонецкой епархии картина отличалась несколько большей пестротой. Так, в Выгозерском погосте к началу XIX в. ругу собирали в размере 20 копеек с *ревизской души*, в Паданском — 20 копеек «с писцовых

⁴⁷⁰ РГИА, ф. 796, оп. 36, д. 206, л. 18.

⁴⁷¹ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 3/55, л. 1.

⁴⁷² Там же, оп. 7, д. 19/12, л. 1 (Прошение священника)

⁴⁷³ Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в., с. 156–157.

мужеска пола душ». В большинстве случаев в качестве налогоплательщика в документах фигурирует «душа», вне зависимости от ее пола. Так, в Янгозерском погосте собирали по «одному четверику ржи с души», а в Линдозерском приходе — 30 копеек с души⁴⁷⁴. В основном нормы сбора руги оставались неизвестными для консистории, а значит, и для исследователя.

О периодичности сбора руги историк может судить лишь по отрывочным упоминаниям в источниках. Ясно, что руга чаще всего собиралась в церковные праздники. Так, священник Иоаннов, судя по указу Олонецкой духовной консистории, в 1831 г. требовал от своего прихожанина перед венчанием брака оплатить все недоимки прошлых лет. Консистория ссылалась на прошение крестьянина, который утверждал, что священник «удержал за прежние доходы четыре рубли, т. е. за dobroxotное подаяние, а именно: за осеннюю ругу, за петровскую, рождественскую, великопостную, за христовую молитву и прочее подаяние»⁴⁷⁵. Подобного рода требования крестьяне расценивали как вымогательство. Но это единственный способ для духовенства взыскать плату с нерадивых прихожан. Не во всех приходах ругу собирали столь же часто. В редких случаях священно- и церковнослужители получали причитающиеся им зерно и деньги только один раз в год. Так, клирики Коткозерской волости Олонецкого уезда доносили в 1799 г. в Олонецкое духовное правление, что в их приходе «священнику с причетники из оной (*находящейся при церкви*. — М.П.) земли пропитания со своими семействами снискивать весьма трудно, а прочих доходов никаких не имеется, кроме только в Христовый Преображения Божий праздник, и то весьма малое количество»⁴⁷⁶. В XIX в. календарный план сбора руги оставался неизменным. Так, в 1847 г. лодейнопольские священники А. Коткозерский и П. Николаевский рапортовали консистории, что в Шустручском приходе местный священник «собирал dobroxotного подаяния по издревле вводимому обыкновению, как то: в Рождество Христово, в Св. Пасху, в часовенные праздники, в Филиппов пост, и во св. Четырнадцатую по прочтении молитв, сверх того о Петровом дне и осенью»⁴⁷⁷.

Упоминания в источниках о том, кто собирал ругу, довольно редки. Можно предположить, что это делали сами служители церкви. Иногда этот вопрос затрагивался в прошениях, направляемых крестьянами в

⁴⁷⁴ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 25, 50, 55, 61.

⁴⁷⁵ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 32, д. 5, л. 128.

⁴⁷⁶ НА РК, ф. 300, оп. 2, д. 1/5, л. 23, об.

⁴⁷⁷ Там же, ф. 25, оп. 7, д. 45/10, л. 10 (Рапорт священников консистории).

духовные и светские органы власти. Как видно из челобитной прихожан, бывший пономарь Вешкельского прихода, числясь в 1787 г. при церкви, «должности своей никакое время не исполнял, а побывши одно время мало и собравши с некоторых людей хлебом и деньгами, тайно ушел»⁴⁷⁸. Аналогичные сведения содержатся и в документах XIX в. Так, крестьянин деревни Пустоши Шустручского прихода Иван Савин указывал в своем прошении, что местный священник «собирал поборы»: «осеннее, молитвенное, христовское, пасхальное». «Сверх того, — сообщал крестьянин, — просит солому, сено и деньги, если мало дают, то угроживает»⁴⁷⁹. От местного сапожника А. Аврамова тот же священник потребовал сшить пару сапог⁴⁸⁰. Наконец еще один крестьянин в ответ на настойчивые просьбы священника выдал ему корм для скота, жерди для огородов и две рыбы⁴⁸¹.

Следующий существенный вопрос — распределение руги среди членов клира. Опираясь на общероссийские материалы, Т.А. Бернштам акцентирует внимание на «безобразных сценах дележа собранных продуктов и денег»⁴⁸². В труде Б.Н. Миронова приведена пропорция, согласно которой доходы «делились между священником, дьяконом и всеми причетниками»⁴⁸³. Скорее всего, это не соответствует действительности. По справедливому замечанию П.В. Знаменского, «в течение всего XVIII в. не возникло общего положения о долях каждого члена причта»⁴⁸⁴. Крестьяне «самопроизвольно» устанавливали размеры выплат каждому из священно- и церковнослужителей. Так, прихожане церкви Пророка Илии Салменижской волости в 1775 г. «обязались письменно довольствовать священнику 100 четвериков ржи, дьякону — 70, дьячку и пономарю — по 50 четвериков, денежного на весь собор — по 30 рублей»⁴⁸⁵. Аналогичным — зависящим от прихожан, определяемым ими в соответствии с должностями в составе клира и существующим без контроля со стороны светских и духовных властей — было рас-

⁴⁷⁸ ГААО, ф. 29, оп. 7, д. 101, л. 1.

⁴⁷⁹ НА РК, ф. 25, оп. 7, д. 45/10, л. 24, об. (Протокол допроса крестьянина Ивана Савина).

⁴⁸⁰ Там же, л. 32.

⁴⁸¹ Там же, л. 169 (Записка из следственного дела о вымогательстве).

⁴⁸² *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии, с. 394.

⁴⁸³ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). Т. 1, с. 108.

⁴⁸⁴ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времен реформы Петра, с. 706.

⁴⁸⁵ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 243, л. 23.

пределение руги в Троицком приходе Каргопольского уезда. Как видно из «скаски» пономарей, священник получал 50 пудов «печеного хлеба», 16 с половиной пудов «разного хлеба», дьякон — 35 рублей, 10 пудов «печеного хлеба» и 3 четверти «разного хлеба». В некоторых приходах (например в Ребольском) ругу получал только священник, а причетники должны были довольствоваться лишь церковной землей⁴⁸⁶.

Обычно в исторических исследованиях руга представляется как однородная, общая для всех приходов разновидность выплат прихожан духовенству⁴⁸⁷. Источники позволяют утверждать, что руга, как и земельные наделы, предоставлялась священно- и церковнослужителям на различных условиях. Прихожане Олонецкой епархии в XVIII—XIX в. откровенно противопоставляют в своих прошениях «рядную ругу» и «доброхотное подаяние», размеры которого совершенно не фиксировались. Так, прихожане Ялгубской выставки Шуйского погоста в 1755 г. сообщали в «выборе», что в их приходе «определенной денежной и хлебной руги не имеется, а дается от нас, прихожан, доброхотное хлебное и денежное подаяние»⁴⁸⁸. В Вырозерском приходе в начале XIX в., по данным ведомости о состоянии церковных приходов, не установлено руги, но священно- и церковнослужители получают «доброхотное подаяние»⁴⁸⁹. Иногда «рядная руга» и «доброхотное подаяние» сочетались. Так, в Типиницком приходе священно- и церковнослужители, по данным того же источника, получали в качестве руги 140 четвериков ржи, а кроме того — и «доброхотное подаяние», размеры которого в источнике не указаны⁴⁹⁰. Как видно из «выбора», составленного прихожанами Купецкого прихода Пудожского уезда, в 1794 г. ими был избран «в пономаря» сын священника Иван Авдиев. Прихожане обязывались «платить таковую же ругу, как и предки ево, пономаря, получали». Сверх этого крестьяне обязывались «довольствоваться доброхотным подаянием»⁴⁹¹. По сути дела, «доброхотное подаяние» стало средством контроля: прихожане могли отказать неугодному священнику в дополнительном вознаграждении, а желающий получить «надбавку» священник был вынужден «угождать своим прихожанам, раболепствовать»⁴⁹².

⁴⁸⁶ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 65.

⁴⁸⁷ Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в., с. 169.

⁴⁸⁸ РГИА, ф. 796, оп. 35, д. 402, л. 2, об.

⁴⁸⁹ НА РК, ф. 25, оп. 15, д. 97/2079, л. 18.

⁴⁹⁰ Там же, л. 15.

⁴⁹¹ Там же, оп. 16, д. 3/1, л. 2.

⁴⁹² Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни, с. 39.

Аналогичные закономерности сохранились и в XIX в. По данным рапорта петрозаводского благочинного, который знал ситуацию из личного опыта, «добровольные подаяния вещественные хороши с материальной точки зрения, но не могут быть одобрены с нравственной». И это вполне объяснимо. «Собрание этих добровольных подаяний сопряжено с большим унижением, а часто с язвительными насмешками над ним со стороны дателей, так что ходить за собиранием таких подаяний – настоящая пытка»⁴⁹³. По утверждению С.В. Римского, основанному на многочисленных свидетельствах современников, повсюду в России «процедура сбора даяний походила на изнурительный марафон», причем во время сбора руги приходилось мириться с недружелюбием прихожан, их гонором и резкими высказываниями⁴⁹⁴. Олонецкие материалы подтверждают существующие в литературе негативные суждения о порядке сбора руги. Так, петрозаводский благочинный указывал, что при сборе продуктов с прихожан священнику приходится заходить в некоторые дома по нескольку раз, добиваясь выплат. При этом со стороны прихожан звучали ругательства и упреки: «Каличьего⁴⁹⁵ же названия не минуешь при этом»⁴⁹⁶. Типичные ситуации при сборе руги напоминают поиски подаяния. Современник событий, петрозаводский благочинный описывал происходящее: «Очень часто бывает, что священник, ходя по домам с мешком на плечах и выпрашивая себе руги так униженно и нищенски, по обходе деревни должен возвратиться домой с тем же пустым мешком»⁴⁹⁷. Подобное восприятие тяжелых моментов жизни священника переключалось и в современную научную литературу. Так, в одной из книг К.К. Логинова содержатся следующие примечательные строки: «После Покрова священники, а также нищие обходили дома, собирая подаяние (ругу)»⁴⁹⁸.

В конце XIX–начале XX в. отработанный в течение столетий порядок сбора руги постепенно менялся. Как говорилось в епархиальной печати, «эта статья дохода с каждым годом все уменьшается и падает». Постепен-

⁴⁹³ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 157 (Рапорт по 3-му петрозаводскому благочинническому округу).

⁴⁹⁴ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ, с. 114.

⁴⁹⁵ Калики – нищие, зарабатывающие пением духовных стихов, исполнением былин и т.д.

⁴⁹⁶ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 157 (Рапорт по 3-му петрозаводскому благочинническому округу).

⁴⁹⁷ Там же, л. 157, об.

⁴⁹⁸ Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX–начало XX в.), с. 129.

но некоторые представители духовенства, особенно молодые священники, переставали считать ругу «доходной статьей»⁴⁹⁹. Некоторые священники не без оснований связывали размеры руги, с одной стороны, и благочестие прихожан — с другой. Как говорилось в сведениях о состоянии каргопольских приходов за 1879 г., «привычка молодого поколения к распутной жизни усиливается, а потому и содержание духовенства в округе более недостаточно, чем посредственно»⁵⁰⁰. По данным из отчета благочинных, ко второй половине XIX в. сбор в пользу причта серьезно способствовал улучшению «экономического быта» духовенства. В тех приходах, где руга собиралась в недостаточном количестве, следовало, по данным того же источника, организовать «более аккуратный сбор ружных продуктов». Достигнуть этой важной цели благочинный предлагал путем «передачи существующего сбора в пользу духовенства местному начальству прихожан»⁵⁰¹.

Каргопольский благочинный смотрел на будущее руги немного более оптимистично. Он писал в 1879 г., что повсюду в его округе «причты пользуются ругой от прихожан, которую собирают сами». Но «руга эта неопределенная и зависит от произвола подающих». В неурожайные годы при сборе руги возникают серьезные проблемы: «многие из крестьян не выдают руги сполна, а если и отдают, то с большими хлопотами и неудовольствиями». Полностью отказаться от руги причт тем не менее не может — «бедность и скудость средств духовенства заставляет дорожить и куском хлеба и грошом»⁵⁰². Петрозаводский благочинный, судя по его рапорту, поддерживал каргопольского коллегу: «Руга, — писал он, — могла бы составить очень хорошее подспорье в содержании, если бы исправно вносилась прихожанами». Но в действительности она служит источником не благополучия, а конфликтов: «При настойчивом же требовании со стороны причтов, эта руга служит поводом к неудовольствию прихожан против причтов»⁵⁰³.

Лишь в некоторых приходах неприкосновенно сохранялись черты относительно безоблачного прошлого, когда сбор руги не казался духовенству регулярным унижением, а был обыкновенным занятием.

⁴⁹⁹ *Обиженный*. Разбитые мечты и обманутые надежды, с. 555.

⁵⁰⁰ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 127 (Сведения о состоянии церковей, духовенства и прихожан по 2-му округу Каргопольского уезда за 1879 г.).

⁵⁰¹ Там же, д. 60/1, л. 44 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

⁵⁰² Там же, л. 19, об. (Сведения о состоянии церковей, духовенства и прихожан по 3-му благочинническому округу Каргопольского уезда за 1879 г.).

⁵⁰³ Там же, л. 157 (Рапорт по 3-му петрозаводскому благочинническому округу).

Об этом свидетельствует описание Виданского прихода, составленное в начале XX в. священником Д. Островским. Судя по его корреспонденции местное духовенство вместо земельного надела получало от прихожан ругу в виде печеного хлеба, льна, шерсти, картофеля, масла и яиц на Великий пост и перед Петровым днем. Сбор руги, как и в предшествующий период, в начале XX в. не был четко регламентирован: «Определенных постановлений среди крестьян относительно количества подаваний духовенству натурою в Виданском погосте не существует: каждый прихожанин дает сколько может, обычно священнику дают несколько больше, чем псаломщику»⁵⁰⁴.

Плата за требы. Натуральные (или денежные) сборы с прихожан являлись одной из древнейших форм обеспечения церковников средствами к существованию. Наряду с ними сохранялась плата за требы — важный источник доходов клириков. В течение веков плата за крещение, венчание и погребение по церковному обряду оставалась неопределенной и зависела от местной традиции и — в ее рамках — от договоренности между священником и прихожанами в каждом конкретном случае. В Духовном регламенте говорилось лишь о намерении ввести фиксированный сбор с каждого приходского двора в пользу клира, поставив под контроль государства и эту сторону взаимоотношений между священнослужителями и прихожанами и освободив последних от платы за требы.

На деле все оказалось иначе. В 1765 г. Екатерина II подписала закон, делающий одним из источников доходов духовенства фиксированную плату. Например, за молитву над роженицей — 2 копейки, за свадьбу — 10, за погребение младенца — 10, взрослого — 30 копеек. Лишь размеры платы за молебен-поминовение родителей не определялись в законе. Прихожане сами совместно со священником решали этот вопрос. Запрещалось взимать деньги за исповедь⁵⁰⁵. В 1828 г. в связи с заметным ростом цен плата за требоисполнение увеличилась⁵⁰⁶. Аналогичные законы издавались позднее. Важно заметить, что речь шла о минимальной плате, ограничивающей лишь притязания священника. Прихожане по доброй воле могли вносить и больше. Это обстоятельство специально оговаривалось в церковном законодательстве: «Богатым и усердствующим предоставляется на волю давать причтам и более положенного, только б сие происходило от их усердия без всякого домогательства со стороны причтов»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁴ Островский Д. Село «Видана», с. 460.

⁵⁰⁵ ПСЗ-1. Т. 17. № 12 378.

⁵⁰⁶ ПСПиР. Пг., 1915. Т. 1. № 184.

⁵⁰⁷ Там же.

Введение таксы стало, по мнению ряда исследователей, неудачным мероприятием правительства Екатерины II в церковной сфере, заложившим новую отрицательную тенденцию. Под словами А. Дианина, который считал, что «такса ставила приходское духовенство в тяжелое экономическое положение <...> получавшихся при существовании таксы доходов было крайне недостаточно для обеспечения духовенства»⁵⁰⁸, могли бы поставить свои подписи П.В. Знаменский и А.А. Папков. Первый считал, что такса уменьшала доходы духовенства по сравнению с теми суммами, которые вносились в соответствии с обычаем⁵⁰⁹, а второй называл введение таксы «несимпатичной мерой»⁵¹⁰. Проведенное мною исследование не подтверждает столь мрачные оценки. Источники позволяют утверждать, что такса не использовалась в качестве аргумента в спорах между клириками и прихожанами из-за размеров оплаты требы. Если прихожане возмущались «непомерным к сребролюбию лихоимством» или «лакомством» священника, то они просто указывали суммы, которые он требовал, без ссылок на конкретные расценки. Как справедливо пишет С.В. Римский, «правительственные тарифы нигде не соблюдались»⁵¹¹. Известны случаи, когда прихожане оплачивали исполнение обряда в таких размерах, которые несопоставимы с определенными в законе. Так, крестьянин Олонецкого погоста Митрофан Ерофеев, как видно из его показаний в Олонецком нижнем суде, отдал своему приходскому священнику корову «по приказанию своей матери по душе ее» за исповедь и «сорокаустие»⁵¹².

В 1809 г. комитет, учрежденный для устройства духовных училищ и изыскания средств содержания приходского духовенства, «увидел необходимость отменить обязательную таксу за требы и установить различие между требами необходимыми и такими, исполнение которых зависит только от доброй воли прихожан». При этом первые приказали исполнять безвозмездно, «а плата за

⁵⁰⁸ Дианин А. Малороссийское духовенство во второй половине XVIII в. (По пунктам малороссийского духовенства, представленным в екатерининскую комиссию для составления проекта нового Уложения). Киев, 1904. С. 90.

⁵⁰⁹ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра, с. 686.

⁵¹⁰ Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). Историческая справка, с. 55.

⁵¹¹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ, с. 115.

⁵¹² НА РК, ф. 584, оп. 6, д. 8/182, л. 8.

вторые оставлена на произволение прихожан»⁵¹³. Но и после этого нововведения ситуация не изменилась. В 1858 г. каргопольские крестьяне указывали на следствии, что местный священник взял с одного из них за венчание 23 рубля серебром, с другого – 2 рубля, с третьего – 4 рубля серебром⁵¹⁴. Таких примеров в документах немало. В 1884 г. каргопольский благочинный сообщил епископу: «Разные лица, вступившие в брак в настоящем году и прежде, на спрос мой показывали, что они платили священнику за повенчание по своему усердию и состоянию без всякого понуждения, кто два, а кто три рубля, а более четырех и пяти рублей никто не платил»⁵¹⁵. Поэтому было бы большой ошибкой указывать общероссийские показатели оплаты за исполнение тех или иных церковных треб в определенный исторический период, как это делает в своем исследовании прихода Т.А. Бернштам⁵¹⁶. Повсеместно в течение всего XIX–начала XX в. наблюдалась общая тенденция – стоимость треб в абсолютных цифрах неуклонно росла⁵¹⁷, но одновременно росла и цена продуктов питания. При этом сохранялась одна закономерность сугубо житейского, практического характера. Плата за требы «так и выставлялась, как плата в настоящем ее смысле, и прихожанин прямо спрашивал у священника, сколько, например, стоит у него обвенчать свадьбу»⁵¹⁸. Во время обсуждения финансовых аспектов взаимоотношений духовенства и прихожан могли проявиться и реально возникали непростые ситуации, конфликты между сторонами. Вопрос о плате за требы они решали таким же образом, как и проблему стоимости любой другой услуги, в которой нуждалось местное население. Делопроизводство консистории изобилует материалами о вымогательствах клиром денег, продуктов питания и вина при совершении треб. Но и служители церкви видели негативную сторону этого трудоемкого процесса, сопряженного к тому же с многочисленными опасностями и конфликтами. Как сообщил епископу петрозаводский благочинный, по его округу в 1879 г. в среднем священник зарабатывает при совершении треб от 80 до 120 рублей, но

⁵¹³ Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 319.

⁵¹⁴ НА РК, ф. 25, оп. 7, д. 45/10, л. 180, об. (Записка из следственного дела о вымогательствах).

⁵¹⁵ Там же, оп. 15, д. 99/2120, л. 17 (Рапорт каргопольского благочинного).

⁵¹⁶ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии, с. 143.

⁵¹⁷ Там же, с. 212.

⁵¹⁸ Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра, с. 684.

при этом теряет слишком много времени на посещение удаленных от приходского храма деревень. При таком порядке выполнение профессиональных обязанностей становилось невыгодным. Ведь то же самое время, «употребленное на хозяйственные нужды, могло бы составлять немалую доходность»⁵¹⁹.

Порядок взимания руги и плата за требы ставили священника в тяжелое, унижительное положение, вынуждали просить подаяние или конфликтовать с прихожанами. Не менее существенно и другое. Выплаты, по сути дела, становились средством повседневного контроля прихожан над белым духовенством. Этот контроль становился самым действенным, ведь он затрагивал самые важные сферы жизни любого служителя церкви, вынуждал его повседневно думать о мнении прихожан, предугадывать их желания и оставаться на их стороне в самых разных ситуациях. Власть не могла мириться с таким положением. Многовековой традиции обеспечения клира за счет крестьян она противопоставляла свои формы и способы решения материальных проблем духовенства.

Казенное жалованье. Тяжелое, унижительное положение духовенства, связанное с нестабильностью выплат от прихожан, могли облегчить лишь государственные средства. В исключительных случаях духовенство получало жалованье и в первой половине XIX в. Так, в 1838 г., в рамках мер по борьбе с «расколом», было разгромлено Чаженгское старообрядческое поселение⁵²⁰, а на месте принадлежавшей ему часовни появилась приходская церковь. Причт этой церкви получил жалованье в размере 500 руб. в год из синодальных средств⁵²¹. К началу реформ 1860-х гг. главное требование духовенства «состояло в том, чтобы получать жалованье»⁵²². Этот вопрос власти пытались решить. Предстояло существенным образом изменить материальное положение приходского духовенства и сделать его более независимым от воли крестьянского «мира». Проведению реформ предшествовал сбор сведений об обеспеченности клириков и разработка конкретных рекомендаций для увеличения размеров бюджета семей священно- и церковнослужителей.

⁵¹⁹ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 157 (Рапорт по 3-му петрозаводскому благочинническому округу).

⁵²⁰ См. о нем подробнее: *Докучаев-Басков К.А.* Чаженгский раскольничий скит (1710–1854). М., 1912.

⁵²¹ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 36/414, л. 28.

⁵²² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 1, с. 104.

Первоначально Олонецкое губернское присутствие по обеспечению быта духовенства, созданное в связи с проведением реформ, видело способ увеличения доходов в использовании традиционного пути: наделении клириков дополнительными участками земли. В 1865 г. присутствие обратилось к управляющему Палатой государственных имуществ с просьбой доставить сведения, «какие и в каких местах имеются в Петрозаводском уезде казенные оброчные статьи, сколько с них получается ежегодно дохода». Присутствие исходило отнюдь не из праздного интереса. Оно намеревалось использовать доходы, получаемые от государственного имущества, для улучшения материального положения белого духовенства. Далее в составленном им документе говорилось: «не могут ли некоторые из них быть переданы в пользование причтам, или доходы с оброчных статей не могут ли быть обращены, до окончательного обеспечения духовенства, на пособие тех приходов, которые ни землею, ни оброчными статьями наделены быть не могут, а между тем по малочисленности и бедности приходов в пособии нуждаются». Ответ руководителя Палаты государственных имуществ развеял надежды. Он полагал, что такого рода меры не соответствуют закону⁵²³. Между тем проведенные обследования и опросы духовенства показывали, что ситуация достигла критической черты. На это со всей определенностью указывали документы, полученные присутствием: «по рассмотрении сведений, доставленных причтами, между прочим, оказалось, что приходское духовенство почти повсеместно находится в крайней бедности»⁵²⁴. Олонецкая епархия не стала исключением. По данным опросов, проводившихся посредством разосланной по приходам анкеты, духовенство повсеместно испытывало нужду в самом необходимом, получая от прихожан плату за «молитование новорожденных», отпевание умерших и в виде продуктов («ружнего довольствия») на сумму от 210 до 300 рублей в среднем на причт⁵²⁵.

Поскольку реформы проводились в крайне неблагоприятный в финансовом отношении период, единственная возможность полноценного обеспечения духовенства виделась в сокращении численности представителей духовного сословия и увеличении жалования оставшимся за счет сэкономленных средств. Руководствуясь этими принципами, созданное специально для разработки проекта реформ Олонецкое губернское присутствие по делам православного духовен-

⁵²³ РГИА, ф. 804, оп. 1, д. 79, л. 27, об.

⁵²⁴ Там же, д. 149, л. 229.

⁵²⁵ Там же, д. 96 (Часть XVIII).

ства подготовило к 1871 г. первый в Российской империи Проект расписания приходов, в соответствии с которым вносился новый, как казалось, более рациональный порядок в стихийно сложившуюся в течение столетий приходскую систему. Предполагалось резко сократить численность городского духовенства, некоторые городские церкви должны были стать «приписными». К 1871 г. при городских церквях Олонецкой епархии служили 35 клириков, а после реформы предполагалось оставить лишь 20 представителей белого духовенства. Аналогичные сокращения предполагалось произвести и в сельских приходах. Из 225 приходов Олонецкой епархии «по новому распределению деревень между церквами по местному удобству, и применяясь к желаниям жителей», предполагалось образовать 158 приходов, сократив при этом численность церковников с 669 до 483 человек⁵²⁶.

Реформаторы полагали, что благодаря столь решительным мерам «по окончательном введении нового расписания в действие все сельское духовенство получит новую прибавку к своим окладам <...> и вместе с тем воспользуются окладами и те причты, которые ныне вовсе не получают жалованья». Скоропалительные изменения приходской системы оказались кратковременными: уже в 1884–1885 гг. все закрытые приходы были восстановлены⁵²⁷. Непродуманная реформа успела оказать свое негативное воздействие на приходскую жизнь. Даже временное укрупнение приходов, связанное с заметным ростом и без того непосильной нагрузкой на отдельных священников, «еще более усугубило тяжелое положение духовного сословия»⁵²⁸.

В течение всей второй половины XIX в. распространение жалованья происходило неуклонно и сопровождалось небольшим, но постоянным ростом тарифной ставки⁵²⁹. В 1895 г. казенное жалованье получал причт 244 церквей, а общая сумма выделенных на эти цели средств составила 80 767 руб.⁵³⁰ Столь же регулярно местное духовенство жаловалось на нищенские размеры оплаты своего труда, несопоставимые с окладами государственных служащих и даже учителей. Так, петрозаводский благочинный сообщал в своем отчете, что деньги, которые получает от государства

⁵²⁶ Там же, оп. 1, д. 149, л. 230, об.

⁵²⁷ Там же, л. 334.

⁵²⁸ *Розов А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни, с. 38.

⁵²⁹ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки церковной этнографии, с. 360.

⁵³⁰ Ведомость о причтах, получавших содержание из сумм Государственного казначейства // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Пободоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 год, с. 142.

настоятель храма, настолько незначительны, «что более заслуженного священника получают не только молодые наставники и наставницы, но и лесные объездчики, полицейские урядники и даже лесные сторожа»⁵³¹. Жалованье псаломщика, говорилось далее в цитируемом документе, «настолько мало, что мальчишка работник не будет служить за оное на своем содержании»⁵³². Порядок выдачи жалованья городскому и сельскому духовенству был одинаковым. Деньги выдавались из уездных казначейств «за каждое истекшее полугодие в начале следующего под росписи доверенных лиц от одного или нескольких причтов»⁵³³. В 1915 г. консистория перешла к выдаче ежемесячного жалованья⁵³⁴.

К началу XX в. казенное жалованье постепенно, особенно в наиболее бедных приходах, вытесняло традиционный способ обеспечения приходского духовенства. Так, в Гимольском приходе Повенецкого уезда причт существовал и объезжал дома прихожан для совершения треб исключительно за счет скудного казенного жалованья, которое дополняли случайные приработки. В то же время, как видно из описания прихода, земли у местного причта не имелось, «сборов с прихожан никогда никаких не производится, потому что по бедности населения не могут быть вознаграждены даже издержки, потребные для разездов по приходу для сборов». Чтобы как-то прокормиться, приходской псаломщик был вынужден, «оставив свою прямую обязанность, ходить вслед за неграмотным сельским старостою для исправления должности писаря»⁵³⁵. Судя по публикациям в епархиальной прессе казенное жалованье стало важным подспорьем в повышении уровня жизни приходского духовенства, но и оно в совокупности с другими доходами не могло решить все проблемы. Священники в начале прошлого столетия жаловались на недостаточность казенного жалованья, указывали на бедственное материальное положение и «укоризны со стороны прихожан при получении платы за требоисправления»⁵³⁶. Единственными, кто мог рассчитывать на существенное повышение жалованья, стали священники, владеющие карельским языком. Вопрос об увеличении

⁵³¹ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 157 (Рапорт по 3-му петрозаводскому благочинническому округу).

⁵³² Там же.

⁵³³ *Андреев Д.* Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причтов, с. 8–9.

⁵³⁴ Распоряжения епархиального начальства // ОЕВ. 1915. № 32. С. 592–593.

⁵³⁵ *Надпорожский П.* Гимольский приход Повенецкого уезда, с. 227.

⁵³⁶ *Обиженный.* Разбитые мечты и обманутые надежды, с. 555.

жалованья этой категории духовенства поставили депутаты Видлицкого съезда духовенства. Одним из важнейших решений съезда стало требование увеличить содержание духовенства, использующего карельский язык, «до нормы, введенной в приходах Прибалтийского края, или в крайнем случае до 900 рублей священнику и 400 рублей псаломщику»⁵³⁷. В 1909 г. 48 причтов Олонецкой епархии получили существенную прибавку к жалованью⁵³⁸. Но и здесь вскоре обнаружились проблемы. Как писал в 1914 г. один из священников, «служат еще в карельских приходах священники, не знающие языка своих прихожан, причем некоторые из них пользуются и увеличенным содержанием»⁵³⁹.

Для остальных клириков избавление от нищеты выдилось в увеличении казенного жалованья⁵⁴⁰. Ответ начальства на просьбы клириков неизменно оказывался малоутешительным: «Возбуждать ходатайство об увеличении жалованья при нынешних стесненных финансовых обстоятельствах государства бесцельно»⁵⁴¹. По данным Д.В. Поспеловского, к 1914 г. ежегодная государственная дотация православной церкви несколько превышала 18 млн рублей, «но для выплаты минимального жалованья священникам, диаконам и псаломщикам <...> нужна была дотация в 50 с лишним миллионов»⁵⁴². В 1914 г. олонецкая епархиальная печать, анализируя проблему, приходила к малоутешительным выводам: оклады содержания духовенства «не удовлетворяют и не могут удовлетворять самым насущным потребностям духовенства епархии, даже взятые вместе с другими источниками его содержания. А дороговизна жизни все растет и растет». В конце статьи содержался призыв надеяться на Господа, рано или поздно «призывающего к Себе всех труждающихся и обремененных»⁵⁴³. Вскоре появились новые трудности. После начала Первой мировой войны духовенство приняло решение об отчислении 1% от суммы жалования «в

⁵³⁷ Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // ОЕВ. 1907. № 14. С. 363.

⁵³⁸ *Витухновская М.А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917 г. СПб., 2006. С. 216.

⁵³⁹ *А. П-ий.* О желательности каждому священнику карельского прихода знать наречие своих прихожан-карел // ОЕВ. 1914. № 14. С. 317–319.

⁵⁴⁰ Постановление Олонецкого епархиального начальства (от 4–10 мая за № 128). С. 349.

⁵⁴¹ Там же, с. 350.

⁵⁴² *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 23.

⁵⁴³ *Дроздин И.* К вопросу о материальном обеспечении духовенства Олонецкой епархии // ОЕВ. 1914. № 23. С. 546–550.

помощь семьям мобилизованных»⁵⁴⁴. В такой ситуации приходилось рассчитывать только на собственные силы. И в ход шли всевозможные способы получения дополнительного дохода.

Прочие источники дохода. Альтернативой всем прочим видам доходов стали самостоятельные поиски средств к существованию, не связанные ни с богослужением, ни с трудами. Священники постоянно, как до, так и после введения казенного жалования, находились в поиске новых доходов, проявляя при этом незаурядную изобретательность. Наименее подробно прослеживаемая по источникам сфера деятельности духовенства — промыслы и торговля. Сохранились лишь отрывочные сведения. Так, в 1762 г. игумен Задне-Никифоровской пустыни «з братиею» дали «мытное письмо» священнику Лазарю Иванову на право «имеющейся рыбной ловли на Свири реке в пороге Сиговцы с верхними и нижними заколами того ж Олонецкого уезду Воскресенского Важенского погосту». Иерей или те, «кому он прикажет», могли пользоваться правом рыбной ловли в течение года⁵⁴⁵. В некоторых случаях размах предпринимательской деятельности священно- и церковнослужителей был более впечатляющ и неприятно поражал прихожан. Так, в 1788 г. крестьяне Остречинского Рождественского погоста указывали в прошении, адресованном консистории: «оной пономарь и сын ево дьячок Кирила Флоров имеют у себя суда, оными торгуют, возят соль по городам дистанциям <...> и в доме своем соль имеют, и по деревням возят и продают, а от церкви Божией имеют немалую отлучку»⁵⁴⁶. Неудивительно, что духовные власти отрицательно относились к коммерческой деятельности клириков, не без оснований полагая, что торговля негативно влияет на взаимоотношения между церковниками и прихожанами и приводит к перерывам в богослужении.

Принимаемые меры носили половинчатый характер. В 1780 г. Олонецкая духовная консистория разослала в духовные правления указы, в которых предписывалось, чтобы «священно- и церковнослужители в торги и продажи, и поставки сами собою и под чужими именами <...> не вступали под опасением в противном случае строгого по законам осуждения». Духовенству разрешалась лишь продажа излишков «домашних своих продуктов»⁵⁴⁷. Одновременно консистория на-

⁵⁴⁴ Журнал собрания духовенства 22-го благочиннического округа Олонецкой епархии от 18 августа 1914 года // ОЕВ. 1914. № 29. С. 660.

⁵⁴⁵ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 26, д. 9, л. 12.

⁵⁴⁶ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 243, л. 25.

⁵⁴⁷ НА РК, ф. 63, оп. 3, д. 24/219. л. 1.

правила во все судебные учреждения промемории, предлагая поступать с торгующими священно- и церковнослужителями и их товарами «в сходственность о том законов без всяких с духовной командой сношений»⁵⁴⁸. В таких условиях клирики могли вести крупную торговлю только на свой страх и риск, прикрываясь именами родственников. Как видно из прошений, с просьбами о записи в мещанство и купечество Петрозаводска в ряде случаев обращались братья и сыновья священно- и церковнослужителей⁵⁴⁹. Остается неясным, была ли торговля их собственным начинанием, или за их спинами стояли родственники-церковники. К середине XIX в. приходское духовенство настолько свыклось с занятиями торговлей, что при обсуждении проектов реформ 1860-х гг. его представители добивались «расширения прав в сфере предпринимательства, торговли, владения собственностью», видя в этом важную составную часть повседневной жизни служителей церкви и надеясь пополнить их скудный бюджет. Олонецкая епархия не стала исключением, однако данные XIX—начала XX в. содержат заметно меньше сведений о сходных путях пополнения скудного бюджета семей церковников. Так, в 1855 г. крестьяне сообщали благочинному, что паданский священник Иуда Иванов регулярно занимался рыбной ловлей и даже для удобства промысла построил на берегу озера небольшую избушку, которую местные жители называли «поповской»⁵⁵⁰. В 1879 г. один из олонечких священников отмечал, что большая часть причетников «за ограниченностью средств к своему содержанию» рыбачит, выполняет малярные, стекольные работы, занимается сапожным ремеслом и другими «разными ремеслами, приличными по своему званию»⁵⁵¹.

Приведенным выше перечнем список доходов церковников не исчерпывается. Информация о некоторых других способах пополнения бюджета священнических семейств не всегда попадала в делопроизводство. Так, благочинный Иоанн Троицкий в 1861 г. доносил консистории об обнаруженных им малоизвестных не только исследователям церковной истории, но и современникам событиях статей дохода приходских священников. «Дознано мною, — писал священник, — что в Шимозерском приходе издавна существует неодобрительный, или лучше, предосудительный, основанный, кажется, на расчетах священников местных — на расчетах, чтобы больше получить только одному священнику доходу — обычай». Суть его

⁵⁴⁸ Там же, л. 1, об.

⁵⁴⁹ Там же, д. 6/43, л. 4—21.

⁵⁵⁰ Там же, ф. 25, оп. 8, д. 3/9, л. 6, об. (Рапорт благочинного).

⁵⁵¹ Там же, оп. 1, д. 60/1, л. 44 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

заклучалась в следующем: «в Рождественские праздники Христа славить всем трем членам причта отдельно, порознь; таким образом, входящий священник, что выславил в Шимозере, то и увез в Кривозеро с собой»⁵⁵². Другие доходы духовенства носили вполне легальный характер. Так, в XIX в. для клириков стало обычным делом получение процентов по облигациям. Так, в 1879 г. крестьянин Кенозерского прихода пожертвовал в пользу причта 5%-ную облигацию в 100 рублей 2-го Восточного займа, а крестьянин Кузнецов – 5%-ную облигацию в 50 рублей⁵⁵³. Существенно пополнила бюджет семей церковников жалованье за преподавание Закона Божия в земских школах, которое в 1870–1880 гг. составляло 50 рублей⁵⁵⁴.

Поводя итоги исследованию имущественного положения церковников, отметим, что общие оценки уровня благосостояния приходского духовенства не отличаются большим разнообразием. В дореволюционной историографии прочно утвердилось мнение о нищете белого духовенства. В значительной степени оно связано с публикациями в епархиальной прессе. В статьях, опубликованных современниками событий в начале XX в., бедность духовенства представлена как явление, принявшее ужасающие масштабы: «приходится получать с прихожан за совершение таинств и за обязательные требы, а по недостатку содержания таскаться к прихожанам и за сборами. <...> Эх, если бы нас от этого избавили!»⁵⁵⁵. Бедность клириков, по мнению П.В. Знаменского, которому принадлежит наиболее подробное исследование этого вопроса, обуславливалась государственными мероприятиями. «В течение всей древней истории духовенство, – утверждал П.В. Знаменский, – всем своим достатком, который у него был, обязано единственно нашему доброму и благочестивому народу». Но в течение XVIII в. неумелое руководство церковью разрушало «единственную поддержку духовенства – любовь и доброхотство общины». Такая политика привела к результатам, нежелательным и для властей, и для духовенства. Бедность духовенства увеличивалась и «в свою очередь увеличивала его унижение и зависимость от прихода»⁵⁵⁶.

⁵⁵² НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 40/18, л. 24 (Рапорт архиепископу Аркадию от благочинного Иоанна Троицкого).

⁵⁵³ Макаров Н.А. Кенозерский приход Пудожского уезда Олонецкой губернии в XVI–начале XX в., с. 329.

⁵⁵⁴ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 60 (Отчет благочинного 3-го округа Вытегорского уезда за 1879 г.).

⁵⁵⁵ Здравомыслов А. О выборах священника приходом // ОЕВ. 1906. № 2. С. 70.

⁵⁵⁶ Знаменский П.В. Законодательство Петра Великого относительно православного духовенства // Православный собеседник. 1863. № 10. С. 129.

Авторитетные суждения П.В. Знаменского оказали влияние на современную историографию. Иногда мнение о нищете духовенства присутствует в исследованиях как аксиома, не требующая никаких оговорок и доказательств. Так, например, Т.А. Бернштам утверждает, что «реальная христианизация на местах остается (в XIX в. — М.П.) обязанностью приходской (сельской) церкви, представленной в большинстве случаев бедным (курсив мой — М.П.) и не вполне грамотным священством из низших социальных слоев»⁵⁵⁷. Не избежали влияния П.В. Знаменского и представители зарубежной исторической науки. Американский историк Г.Л. Фриз полагает, что в XVIII в. на пропитание духовенства к каждой приходской церкви в центральных епархиях отводилось от 15 до 30 десятин земли. Величина доходов, по мнению американского историка, сильно колебалась в зависимости от местных обычаев и составляла в среднем от 20 до 50 рублей в год. В целом Г.Л. Фриз, ссылаясь на прошения церковников, оценивает материальное положение русского духовенства как крайне неудовлетворительное⁵⁵⁸. Оспаривая эту точку зрения, Б.Н. Миронов задает риторический вопрос: «Часто ли встречаются люди, довольные своим материальным положением?». Б.Н. Миронов полагает, что сельское духовенство в XIX—начале XX в. постепенно приближалось по уровню обеспеченности к средним слоям крестьянства⁵⁵⁹.

Итак, в центре внимания исследователей — обеспеченность клира. Такое смещение акцентов заслоняет более существенную проблему. Известно, что вопросы строительства и содержания церквей, а в XVIII в. — выборов и «перемены» духовенства решали прихожане. В итоге формировалась зависимость клириков от прихожан, близость между священно- и церковнослужителями и крестьянами по жизненному укладу. Сближение методов хозяйствования таило в себе две возможности. С одной стороны, церковники могли оказывать на верующих самое значительное, решающее воздействие, стать своеобразными посредниками между прихожанами и духовной (а также и светской) властью. С другой — они сами могли подпасть под влияние прихожан, отказываясь в угоду их пристрастиям не только от той роли, которую священно- и церковнослужители в соответствии с зако-

⁵⁵⁷ Бернштам Т.А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры. Киев, 1992. С. 143.

⁵⁵⁸ Freeze G.L. The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century London, 1977. P. 126–138.

⁵⁵⁹ Миронов Б.Н. Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 156.

ном призваны играть в государстве, но изменяя даже и порядок исполнения. Ведь, как и XVII в., в течение всего изучаемого периода основную часть средств к существованию служителей церкви составляли «доходы не нормированные, законодательно не закрепленные, предоставляемые духовенству не в обязательном порядке, а добровольно, по обычаю»⁵⁶⁰.

Подведем итоги главы.

Строительство церквей и часовен стало первой задачей, с которой приход сталкивался в самом начале своего существования и которая постоянно, вновь и вновь возникала перед верующими. Отработанные сценарии взаимоотношений с властью, способы решения проблем строительства церквей в изучаемый период претерпевали серьезные трансформации. Все меньше простора оставалось для «самопроизвольного желания» крестьян, а полномочия властных структур как духовных, так и светских постепенно нарастали. Они связаны с контролем над строительством, соблюдением инженерных требований, соответствием строящегося храма теологическим представлениям. Рост числа критериев и степени контроля все же оставался ограниченным. Самым важным сдерживающим фактором здесь стало финансирование строительства. Ведущую роль в принятии решения о возведении храма, сборе средств и подготовке строительных материалов играла сложившаяся конфессиональная община, действующая на основе освященных временем традиций. В еще большей степени этот вывод касается часовен. Бесперспективная борьба центральной духовной и светской администраций против строительства часовен и связанных с ними традиций завершилась поражением власть предержащих. В решении многих других вопросов (выборы духовенства, строительство церквей, имущество приходских храмов) прихожан удалось в той или иной мере отодвинуть на второй план.

Формирование клира оставалось в XVIII—начале XX в. непростой задачей и для прихожан, и для церковных властей — духовной консистории и Синода. Во-первых, сказывалась особенность церковного законодательства, в котором и владыке, и крестьянам предоставлялись значительные права. Во-вторых, в ряде епархий сохранялась катастрофическая нехватка духовенства, и Олонецкая принадлежала к их числу. От Синода в этой связи требовались не только решительные меры, но и использование возможностей обеих сторон — церковной администрации и прихожан. В XVIII в. позиция Синода по данному вопросу оставалась двойственной. С одной

⁵⁶⁰ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в XVI—XVII вв., с. 111.

стороны, Синод требовал от епархиальных архиереев скорейшего заполнения вакансий. С другой – отстаивал право прихожан свободно выбирать священно- и церковнослужителей, строго запрещая архиереям направлять в приходы своих ставленников, не имеющих «выборов» от прихожан. Такая позиция Синода противоречива только на первый взгляд. И в том и в другом случае речь шла об интересах богослужения. При отсутствии духовенства в приходе полноценное участие крестьян в религиозной жизни невозможно. Но литургическое общение невозможно и тогда, когда крестьяне встречали в церкви священно- и церковнослужителей, которых они в свое время не «удостаивали» избранием. Представление о том, что выбор духовенства – несомненная привилегия прихожан, сохранялась в XVIII в. в крестьянской среде, находя подтверждение в правовых нормах Духовного регламента. Синоду приходилось с этим считаться. Еще более сложным оставалось в XVIII в. положение епископа. Универсального способа заполнения вакансий не существовало. Изредка владыка обращался к административным, принудительным мерам. Но ответные действия крестьян – обращение в Синод и лишение одиозного клирика земли – довольно часто давали положительный для прихожан эффект. Синод нередко решал споры между архиереем и прихожанами в пользу последних. Законный способ ограничения крестьянских прав – назначение церковников по принципу более высокой образованности, а не исходя из наличия «выбора» – не давал в Олонецкой епархии желаемого результата.

Надежда на индифферентность крестьян в вопросах формирования клира также оставалась напрасной. Сохранившиеся материалы ставленнического делопроизводства показывают, что вплоть до конца XVIII в. (т.е. до отмены приходских выборов духовенства) владыка дождался, когда вопрос решат сами крестьяне и отказывал в хиротонии тем ставленникам, которые пытались получить места в обход прихожан. В ведомостях о вакантных священно- и церковнослужительских местах фигурируют ссылки на отсутствие крестьянской инициативы как фактор, преодолеть который епископу не под силу. Столь же ограниченными оставались возможности архиерея при решении споров между церковниками и прихожанами. В арсенале епископа осталось лишь упрямство, пригодное для сокрытия конфликта от глаз вышестоящего начальства. Между тем крестьяне и во время судебных разбирательств часто находили поддержку в Синоде.

Итак, позиция прихожан длительное время оставалась наиболее существенным фактором во всех проблемах формирования клира. Подбор церковников из числа детей священно- и церковнослужителей своего прихода или, наоборот, ставка на «пришлецов», учет традиций наследования мест в составе клира, «уступки» его или передачи

в приданое — все эти вопросы в конечном итоге решали «мужики». Формуляр «выбора» в течение XVIII в. постепенно менялся. Но оставалась неприкосновенной главная его часть — та, в которой говорилось о согласии прихожан «принять» клирика и «довольствоваться» его соответствующей должности ругой. Значительные права за прихожанами в сугубо церковном вопросе — формировании клира — сохранялись до конца XVIII в. Такая ситуация вовсе не препятствовала довольно значительным темпам заполнения вакансий. Положение резко изменилось в царствование Павла I. Действие той части Духовного регламента, которая узаконивала выборность духовенства, было отменено. Епархиальное начальство получило обширные права и стало самостоятельно, без участия прихожан решать кадровые вопросы. Но решительный пересмотр традиционных норм формирования клира привел в конечном итоге к «упадку православного прихода».

В XIX—начале XX в. история прихода складывалась иначе. Приходское самоуправление оказалось побеждено в самом деликатном и одновременно принципиальном вопросе — подборе кандидатур священно- и церковнослужителей. Епархиальный архиерей мог по собственному усмотрению рукополагать тех священников, которые с его точки зрения оказались достойны занять то или иное вакантное место. Старые порядки проявлялись незначительным образом. Например, за сыновьями сохранялись преимущества при занятии отцовской должности, давала о себе знать традиция передачи мест в составе клира в приданое. Исключительно большую роль играли наличие дома, земельного участка и стабильно выплачиваемая руга. Все эти вопросы решали прихожане, косвенным образом влияя на ставленническое делопроизводство.

Плата за требы, церковная земля, руга и прочие источники дохода становились наградой за все злключения, выпадавшие на долю искателей вакантных мест. Но и здесь церковника, духовную и светскую власть ожидали серьезные сложности. Государственные средства не позволяли целиком и полностью обеспечивать все потребности клириков. Поэтому приходилось рассчитывать на прихожан, явным образом поддерживая традиции, сформировавшиеся в среде верующих в первые столетия существования православия на карельской земле. Руга, «доброхотное подаяние», земельные наделы, в значительной степени плата за требы — все это предоставлялось церковникам по желанию прихожан и являлось по сути дела демонстрацией уважения (или неприязни) по отношению к тем или иным представителям духовенства. Конкретные виды и способы поддержания благоприятной духовной атмосферы в приходе, а также профессиональная деятельность клириков рассмотрены в следующей главе.